

УДК 165.4

СКЕПТИЦИЗМ КАК ДЕМОНОПОЛИЗАЦИЯ ИСТИНЫ

Егоров Виталий Иванович

старший преподаватель
Институт социальных наук, Москва

author@apriori-journal.ru

Аннотация. Часто встречающееся отождествление скептицизма с нигилизмом или агностицизмом представляет собой не совсем верное понимание скептического умонастроения, которое представляет собой не тотальное отрицание всех утверждений, а всего лишь – сомнение в их правильности и «непогрешимости». Основа скептицизма – сомнение во всех положениях, но не отрицание последних. Главный методологический принцип скептиков заключается в воздержании от любого окончательного утверждения или отрицания, в признании изостеничности, т.е. равносильности противоборствующих идеи и концепций. Если античный скептицизм выступал за равносильность всех утверждений и призывал к непрекращающемуся сомнению, то современные неклассические подходы в области эпистемологии исходят из признания статуса и роли идей и теорий лишь в качестве различных и равноправных интерпретаций мира, человека, общества и т.п., что позволяет проследить идейную преемственность между древним скептицизмом и некоторыми современными философскими построениями, которые отказываются от права на монополизацию истины и говорят только о возможности построения множества конкурирующих интерпретаций бытия.

Ключевые слова: история философии; скептицизм; античный скептицизм; сомнение; воздержание от суждений; равносильность противоположных утверждений; истина; интерпретация.

SKEPTICISM AS DE-MONOPOLIZATION OF TRUTH

Egorov Vitaly Ivanovich

senior lecturer
Institute of social sciences, Moscow

Abstract. Frequent identification of skepticism with nihilism or agnosticism is not quite the right understanding of a skeptical mindset, which is not a total denial of all allegations, but only – doubt in their accuracy and «infallibility». The basis of skepticism – doubt in all positions, but not the negation of the latter. The main methodological principle of skeptics is to refrain from any final approval or denial, in recognition of equally dominant either opposing ideas and concepts. If ancient skepticism advocated to equality all propositions and called for the incessant questioning, the modern non-classical approaches in the field of epistemology are based on the recognition of the status and role of ideas and theories as different and equitable interpretations of the world, man, society, etc., so you can trace the ideological continuity between ancient skepticism and with certain modern philosophical constructions that waive right to monopolize the truth and speak only about the possibility of constructing the set of competing interpretations of existence.

Key words: history of philosophy; skepticism; ancient skepticism; doubt; refraining from judgment; equality of opposite judgments on the truth; truth; interpretation.

На протяжении всей истории цивилизации и культуры человек пытался найти истину, т.е. выяснить «действительное устройство» мира и собственного бытия, ответить на предельный вопрос о том, как же все-таки все обстоит «на самом деле» [1]. Несмотря на все имеющиеся раз-

личия между основными формами духовной культуры (наука, религия, философия), их принципиальное сходство заключается в поиске истины, попытке познания объективной действительности [2-3]. На огромном историческом пути, проделанном человечеством, было создано великое множество противоборствующих идей, учений, теорий и концепций, по-разному объясняющих мир и человека. Однако возможно ли признать какую-либо из них в качестве действительно правильной, т.е. «адекватно» отражающей реальность? [4] Или все они, по крупному счету, представляют собой «движение по кругу поиска истины», которое не приводит ни к ней, ни к чему-либо принципиально новому. Возможно, что идее, согласно которой «ничто не ново под солнцем» (лат. «nil novi sub sole»), нельзя отказать в определенной справедливости: все было, все есть, все будет [5]. Бытие меняет свои формы, но не меняется принципиально само, будучи самотождественным. Одной из основных философских идей, или «врожденных идей» человеческого ума является утверждение о том, что за видимым разнообразием мира скрывается невидимая, вечная и однородная его основа [6-7].

У Демокрита, например, эта мысль выражена таким образом, что реально и изначально существуют только атомы и пустота, а все остальное, весь мир есть только та или иная их комбинация: соединение атомов образует вещи, разъединение – гибель их. Поэтому, атомы представляют собой подлинное бытие, которое не меняется вообще: атомы были, есть и будут; меняются же только формы этого бытия – различные комбинации атомов. Формы преходящи; бытие, из них состоящее, самодовлеет и поэтому неподвижно и вечно. Всеобщий преформизм есть универсальная формула этого бытия: изменение является формальным, но не содержательным, меняются только формы, а не суть [8-9].

Почему бы не предположить, что точно так же дело обстоит и с мышлением: в очевидном многообразии проявлений человеческого духа реализуется некое неизменное его содержание. Разные слова, но одна

суть. Тысячи интеллектуальных модификаций, но один и тот же смысл. Вроде бы – постоянно новое, на самом же деле – всевозможные интерпретации старого. «In omnibus aliquid, in toto nihil, – гласит латинский афоризм, – во всем кое-что, в целом ничто» [10]. Одни и те же вопросы и одни и те же сюжеты, воплощенные в разных формах в зависимости от временной и национальной специфики. Действительно «старые философские места, одни и те же с начала веков» (Ф.М. Достоевский).

Нет, наверное, думающего человека, который когда-либо самостоятельно не создал бы некую оригинальную мысль или не открыл бы какую-то небывалую истину и не удивился бы до глубины души, когда узнал, что эта его идея уже была когда-то, где-то и кем-то высказана и совсем не является новой. В вышесказанном, наверное, невозможно обнаружить ничего удивительного, если исходить из единства философского мышления, несмотря на разъединяющие различных мыслителей эпохи и континенты, и единства бытия, несмотря на бесчисленные его формы и проявления [11-12].

Бытие едино в своей основе. Универсальные связи и закономерности, пронизывающие мир, обуславливают его самотождественность, которую человек всегда чувствовал, ощущал, понимал, осознавал – в разных местах и в различные эпохи – по-разному, но сущность была, по большому счету, одной и той же: китайцы осознавали эту самотождественность бытия как Дао, Пифагор называл ее Числом, Гераклит – Логосом, Аристотель – Умом, Гегель – Абсолютной идеей, материалисты – бесконечной и вечной материей. Архэ милетских философов, бытие элеатов, атомы Демокрита, идеи Платона, Единое Плотина – не выражают ли, в конечном итоге, одну и ту же реальность? [13-15].

В разных категориях люди высказывали, по сути, одно содержание; и не могли высказывать разное, так как видели вокруг себя, по существу, одну и ту же действительность, их окружал единый в своей основе мир. Поэтому Гегель справедливо замечал, что нет истории философии,

существует только одна философия. Бесчисленные воззрения и системы различных эпох и народов – только одно воззрение всего человечества, единое и самодовлеющее в конечном итоге. Поэтому философские идеи и учения прошлого представляют собой не собрание реликтов, имеющих для нас музейное значение, а примеры вечного и постоянно актуального, в силу чего об истории философии, о предпосылках, становлении и развитии идей, об исторических судьбах воззрений следует говорить, памятуя о том, что *nil novi sub sole* [16-17].

Автор не разделяет позицию современного превосходства над древней философией, когда она рассматривается в качестве давно превзойденных и оставленных в прошлом «реликтов», покрытых «пылью времен» и имеющих для нас только «музейное значение», а, наоборот, исходит из идеи философского равенства и партнерства по отношению к древней философии, многие построения которой не «устаревают», и сегодня актуальны и открыты для диалога не менее, чем сотни лет назад. По крайней мере, вопрос о наличии поступательного развития философской мысли в исторических масштабах является непростым и не имеет однозначного, окончательного и общепризнанного ответа [18-19].

Если в античной философии скептицизм являлся самостоятельным философским направлением и реализовался как тип мышления в полной и законченной форме, то в предыдущие и последующие эпохи философской мысли он тоже присутствовал, но играл, как правило, инструментальную роль. Эти две формы скептицизма – полный и инструментальный являют более различий, чем сходства: частичный, или инструментальный скептицизм присутствует в любой системе взглядов, ибо утверждая нечто, надо отрицать противоположное или сомневаться в нем; воздвигая новое нужно или ломать, уничтожать старое или «снимать», преодолевать его [20-21]. В обоих случаях не обойтись без относительного скептицизма, который, опрокидывая одно, тут же возводит другое, сомневается или отрицает первое только для того, чтобы утвер-

дить второе, выступая, таким образом, орудием, методом утверждения. Полный, или автономный скептицизм не ставит своей целью никакое утверждение или отрицание, не стремится вообще ни к какому результату; и в этом он, будучи на первый взгляд причастным частичному скептицизму, в известном смысле, противоположен ему, как и любому догматизму вообще. Сам термин «скептицизм» происходит от греческого глагола «σκέπτομαι» («skeptomai»), что в дословном переводе означает «я осматриваюсь, рассматриваю, смотрю, взираю, обдумываю, взвешиваю, обращаю внимание на что-либо» [22]. Греческий глагол σκέπτομαι означает в дословном переводе «внимательно рассматривать», тем самым «исследовать», он представляет собой своего рода синоним другому глаголу, которому была суждена еще более блестящая «карьер» в истории европейской философии: θεωρεῶ. В этом значении употребляет слово «скепсис» Аристотель в первом предложении «Первой аналитики» [23-25]. Греческий термин «σκεπτικός» («skeptikos») переводится на русский как «склонный к рассматриванию, к размышлению». Таким образом, давая предельно краткую характеристику скептицизму, можно квалифицировать его даже не как сомнение, а всего лишь как мысленное рассматривание чего-либо, размышление [26]. Исповедуемый культ непостижимой истины, не означает того, что у скептика нет ни права, ни долга искать ее, и пока она не обнаружена, скептический мыслитель готов невозмутимо нести на себе хотя и тяжкое, но, в то же время, возвышенное бремя ее поиска [27]. Он подобен человеку, который, по словам Гете, «должен верить, что непостижимое постижимо: иначе он не стал бы исследовать». Скептик убежден в том, что истина непостижима, но действует и ведет себя так, как если бы она была постижима: вопреки заверениям своего разума, он ее ищет, тем самым и создавая философию [28].

Понятно, почему скептицизм всегда играл и играет столь важную роль в любой системе философской мысли. Ведь сама философия, в конечном счете, есть не что иное, как поиск, как вечный поиск ответов на

вопросы, путей разрешения проблем, способов преодоления противоречий и недоразумений и методов самого этого поиска [29]. Последний же не только всегда сопряжен с сомнением, но и составляет с ним единое целое, которое и есть философское мышление. Без сомнения нет поиска. Без поиска нет философии. Последняя, пожалуй начинается там и тогда, где и когда появляется сомнение; и чем больше последнее по масштабу и роли в процессе мышления, тем, пожалуй, философия в большей степени соответствует своему назначению. Чем увереннее человеческая мысль, тем она менее мобильна, более самодовольна, и тем менее у нее остается шансов обнаружить искомое ею. Напротив, чем она беспокойнее, чем больше в ней сомнений, тем более она активна и плодотворна [30]. Наверное, только то мышление, которое окружено со всех сторон противоречиями и тупиками, десятками различных позиций, ни одна из которых не представляется ему более предпочтительной, то мышление, которое мечется в мучительном поиске между всеми этими позициями, разрывается на части и отчаянно сомневается решительно в любой достоверности и любом предпочтении, и может называться подлинно философским [31-32]. Сомнение и неуверенность, вне всякого сомнения, являются двигателями философии, вместе со знаменитым «удивлением». Повседневность и жизненный опыт подсказывают нам, что мнения и представления о вещах изменчивы, сегодня думаем одно, завтра – другое, а при этом нам очень хотелось бы и необходимо было бы знать, «как все обстоит на самом деле», однако такого рода уверенность фактически недостижима [33]. При этом элементарный здравый смысл подсказывает, что все непременно как-то обстоит на самом деле, т.е. за поверхностью изменчивых и часто неверных и ошибочных представлений скрывается одна единственная истина. По всей видимости, эта интуиция привела к появлению своего рода «профессионалов мышления», любомудров, или «философов». Среднестатистический человек не имеет времени, возможностей и сил остановиться в потоке по-

вседневного опыта, ему не хватает для этого определенных способностей, специфического склада ума и того самого удивления [34-35]. Как правило, он вынужден довольствоваться исправлением – если таковое получится и «отыщется» – своих мнений о том или ином частном вопросе или проблеме, но у него нет шансов найти те прочные основания, на которых могла бы базироваться его уверенность относительно окружающих его вещей и самого себя. Философ же, в отличие от обычного человека, неким «усилием» выводит себя из потока жизненного опыта, из того, что кажется, чтобы задаться вопросом о том, «каковы вещи сами по себе», какова их действительная природа [36]. Сомнение, или скептическое умонастроение – необходимое условие для этого первого философского шага мыслителя, состоящего в том, что он «вырывает себя из жизненного потока» навстречу, может быть безнадежному, но ни в коем случае не бессмысленному поиску истины [37].

История мировой философии представляет собой, в широком плане рассмотрения, именно этот напряженный и болезненный процесс постоянного поиска истины, который характерен для всех эпох. Древний Восток пытался уловить тайные силы бытия и управлять течением жизни, вступая с ними в некий мистический контакт. Древние греки стремились во что бы то ни стало найти мировой принцип, единым актом объясняющий все мироздание (архаика), позже – построить всеобъемлющую систему, способную исчерпать космос во всех его частях, формах и проявлениях (классика) и, наконец, найти стабильный путь к безусловному индивидуальному счастью (эллинизм). При всей своей положительности и, на первый взгляд, догматизме, средневековая философия терялась в нескончаемых спорах о Боге, мире и человеке: следует ли только стихийно и слепо верить, не пытаясь что-либо понять или осознать или же помимо этого можно еще и кое-что знать и даже доказывать. Безусловный рациональный пафос Нового времени с его антропоцентризмом и безудержным стремлением проникнуть в тайны природы, чтобы власт-

воват над последней, обернулся в современную эпоху крайним философским разочарованием и гносеологическим пессимизмом [38-40]. В XX веке человек получил такие результаты своей самонадеянности и гордости в течение предыдущих трех столетий, что вынужден был отказаться от лестного статуса «хозяина природы» и радикально пересмотреть все прежние свои позиции; при этом понятное оказалось неведомым, ясное и простое – темным и запутанным, стабильное – хаотичным, а осмысленное – абсурдным. Современная философия в лице множества направлений и течений, в известном смысле, теряется в поиске места, роли и назначения человека в мире, пытается обозначить контуры будущего и понять прошлое [41-42]. Во все эпохи различными способами человек пытался понять как соотносится фундаментальное единство мира с его очевидным и бесконечным многообразием, проникнуть в тайную и недоступную ему сущность вещей через видимые и доступные ему явления, выяснить – случаен и преходящ окружающий его мир или же закономерен и стабилен, а также – скован человек и влечется кем-то или чем-то по жизни или же сам формирует свой путь и следует, куда хочет и т.д.

Кроме того, в философии вполне недвусмысленно звучали сетования по поводу трудностей указанного поиска. Знаменитая буддистская тетралемма, «суета сует» Экклезиаста, релятивизм греческих софитов, сократовское «я знаю только то, что ничего не знаю», тропы философского воздержания Секста Эмпирика, апофатическая теология средних веков, «идолы» Ф. Бэкона, «поток впечатлений» у Д. Юма, кантовская «вещь в себе», иррационализм «философии жизни», позитивистский отказ от поиска интегральных оснований бытия, субъективистское сосредоточение в прагматизме, отчаянные герменевтические попытки сознанием преодолеть границы сознания, безысходная трагическая обреченность человека в экзистенциализме – не есть ли все это тяжелое, но откровенное признание человека самому себе относительно незначительных, в конечном счете, гносеологических возможностей и малых шансов

достижения искомого [43-45]. Не говоря уже о том, что во все времена человек пытался осознать степень добродетельности или порочности своей жизни, нарисовать картину должного и воплотить ее в реальность; глядя в прошлое, он видел там зло и, как ни пытался, не мог найти в истории хотя бы десяток-другой счастливых лет, отмеченных всеобщим процветанием. Во имя преодоления социального зла было создано множество моделей идеального общежития, которые все, однако, при их реализации оборачивались тем же злом, но только в иных формах. Что оставалось человеку, как не усомниться самым радикальным образом в возможности и смысле социального и исторического счастья? [46-48].

Итак, видим, что вся история философии представляет собой грандиозное в пространстве и времени сомнение человеческого духа в результатах его нескончаемого поиска ответов на так называемые вечные вопросы. Сомнение, которое появилось одновременно с проблемой познания и рождением самой философии, которое связано со знаменитым ответом Пифагора на вопрос флиунтского тирана Леонта, является ли он (Пифагор) мудрецом: «Я не мудрец, но только философ». В этих известных словах, условно знаменующих собой рождение философии, достаточно четко обрисована гносеологическая проблематика: у познания есть границы, разум не всемогущ, по, подобно планете, вращающейся вокруг солнца, обречен на вечный путь вокруг света истины и на вечную же невозможность полного с ней соединения [49-50].

Если история мировой философии и ее многовековые результаты и любая произвольная наша попытка философского поиска всегда сопряжены с фундаментальным сомнением, то последнее, по всей видимости, является неотъемлемой частью человеческого духа, важнейшей его особенностью, в силу чего, наверное не будет преувеличением утверждать, что скептицизм в философии выступает не только и не столько в качестве некоего момента или самостоятельного направления, сколько представляет собой ее существенную характеристику, ее неявную, не-

заметную, на первый взгляд, важную особенность, имманентную принадлежности и вечное достояние, является одним из основных векторов философского сознания в его прошлом, настоящем и будущем [51-53].

В свете вышеуказанной характеристики античного скептицизма и вообще скептицизма (т.к. античный скептицизм – своего рода классический образец, или «эталон» скептицизма) интересно рассмотреть соотношение понятий «скептицизм» и «скепсис». На первый взгляд эти понятия невозможно расценить как равнозначные; можно предположить, что они находятся в отношении родовидового подчинения: скептицизм – это обязательно скепсис, но скепсис – не обязательно скептицизм [54, 55]. Такой тезис может базироваться на утверждении, согласно которому понятие «скепсис» является более широким по объему, чем понятие «скептицизм»: скепсис – это любое сомнение в процессе философского (и не только философского) мышления, а скептицизм – это уже философская система, построенная на скепсисе, возводящая его в своего рода основной постулат, в известной степени абсолютизирующая его. В свете таких рассуждений понятия «скепсис» и «скептицизм», конечно же, не являются синонимами. Однако сама практика их употребления делает соотношение этих понятий не таким простым, как может показаться и как это было продемонстрировано выше. Обратимся к словарю иностранных слов, в котором термин «скептицизм» имеет два значения: «1) философское направление, подвергающее сомнению возможность познания объективной действительности; 2) критическое, недоверчивое отношение к чему-либо, сомнение в возможности, правильности или истинности чего-либо». Там же термин «скепсис» определяется как то же, что и «скептицизм» во втором значении. Итак, получается, что понятия «скепсис» и «скептицизм» являются отчасти равнозначными, – по крайней мере «скептицизм» в одном из своих значений – то же, что и «скепсис». Такая равнозначность или синонимичность этих терминов проявляется, например, в тех случаях, когда в историко-философской литера-

туре традиционно говорится именно о скептицизме Паскаля, Декарта и т.п., а не о скепсисе Паскаля и Декарта (чаще всего мы читаем: «скептицизм Декарта», а не «скепсис Декарта»), хотя в свете характеристики соотношения этих понятий как родовидовых, речь должна идти именно о скепсисе, а не о скептицизме (скептицизм, например, Декарта и скептицизм Пиррона – это не один и тот же скептицизм) [56-57].

Признав, что понятие «скепсис» равнозначно понятию «скептицизм» в его втором значении («критическое, недоверчивое отношение к чему-либо, сомнение в возможности, правильности или истинности чего-либо»), можно пойти еще дальше, вернувшись к характеристике скептицизма (в его первом значении – «философское направление, подвергающее сомнению возможность познания объективной действительности») как самосомневающегося сомнения. Если скептицизм в качестве последовательного философского направления, или традиции подрывает (упраздняет, уничтожает) самого себя, то он вряд ли может быть охарактеризован как философское направление, или течение; в данном случае он останется всего лишь всепоглощающим сомнением, а значит – не скептицизмом (определенным философским построением), а только скепсисом [58, 59]. Таким образом, как то ни удивительно, на первый взгляд, понятия «скепсис» и «скептицизм» находятся скорее в отношении равнозначности, чем родовидового подчинения; а соответствующие термины могут использоваться в качестве синонимов. Если же скептицизм представляет собой не столько определенное философское направление, сколько сам стиль философской рефлексии, то можно достаточно нетрадиционно рассмотреть вопрос о локализации такого явления как античный скептицизм не только в пирронизме, но и – в других философских учениях эллинизма [60].

Само появление скептицизма указало на факт неких весьма серьезных изменений в древнегреческой философской традиции, и, шире, – социальной истории, в силу чего уместно задаться вопросом, почему эти из-

менения произошли, почему древнегреческая философская мысль обратила специальное внимание на сам механизм мышления и пришла к выводу о ненадежности этого механизма как механизма достижения истины.

Античный скептицизм – интеллектуальное явление определенного времени, и потому он, так или иначе, должен характеризовать все философские школы, или направления, которые в это время – эллинистическое – существовали. Поэтому возможно утверждать, что эллинистическая философия представлена не только, условно говоря, «школой» собственно скептиков, к которой относились также представители средней и новой академии, но и школу стоиков, школу эпикурейцев и школу киников: все они находились в контексте поворота древнегреческой философской традиции к скептицизму, и все должны были впитать дух этого поворота. (Киников я специально не рассматриваю, поскольку их скептицизм является в большей степени поведенческим, чем дискурсивным, развернутой его картины не получается, и поэтому возможно просто причислить кинический скептицизм к античному скептицизму, полноценно представленному прочими школами эллинистической философии). Пока же можно отметить, что античный скептицизм в различных направлениях эллинистической философии явился своеобразной философской инновацией, поскольку эти направления при всех различиях и разногласиях между собой сосредоточились на проблеме отношения человеческой рациональности и истины к внешнему (для человека) миру. Такую проблему предыдущая философия специально не ставила, смело формулируя свои космологические истины без рефлексии по их поводу. Вот, собственно, почему скептические элементы античной философии до появления эллинистического скептицизма не могут считаться полноценным показателем скептицизма. Рефлексия по поводу истины, возведенная на уровень философии, – это инновация эллинистической философии. Причем эта инновация – скептицизм, поскольку подобная рефлексия означает осознание истины как проблемы, т.е. является

сомнением в отношении истины, а сомнение дает начало скептицизму, который может быть меньшим или большим, принимать ту или иную форму, но никогда уже не исчезнет [61]. Поэтому стоики, эпикурейцы, киники и собственно скептики, коль скоро они осуществляли специальную философскую рефлексию в отношении истины, могут рассматриваться в качестве скептических философов, взаимные разногласия которых имеют значение, если только указывают на особенности скептицизма этих философов.

Эта общая для всех эллинистических философов социально-протестная и скептическая интеллектуальная ориентация обусловила своеобразную «внутреннюю эмиграцию», которая также является существенной чертой сходства различных философских школ эллинизма. Такая «эмиграция» ознаменовала собой не антропологический даже, а скорее своеобразный экзистенциальный поворот античной философии. Причем этот ее поворот «лицом к человеку» существенно отличается от того поворота, который связан с переломом досократического и классического периодов и философской деятельностью софистов и Сократа. Сократова переориентация философии также была антропологическим поворотом, но, что важно, – поворотом к человеку, социально включенному и активному, человеку-гражданину и даже патриоту [62]. Эллинистическая же «экзистенциальная» направленность была поворотом к человеку социально не включенному и пассивному, одинокому и заброшенному, разочарованному и изверившемуся, не гражданину и патриоту, а анархисту и космополиту [63].

Не удивительно, что такого рода поворот философии совершенно по-новому поставил в ней проблему человека и человеческого мышления, произошло, можно сказать, переоткрытие вопроса об отношении человека и его знаний к реальному миру, о природе истины; в силу чего эллинистическая философия, помимо всего прочего, явилась рефлексией теоретического знания и во многом предвосхитила современные не

только эпистемологические, но и социально-философские концепции. Различия между философскими школами эллинизма, очевидные и принципиальные для своей эпохи, в исторической перспективе, по мере удаления во времени от античности и приближения к современности, все более стираются, а на первый план выступают черты их сходства, особенно принципиальные для рассмотрения диалога между эпохами, разделенными приблизительно двумя тысячами лет.

Возможно утверждать, что многие современные мировоззренческие установки, имеющие общую постмодернистскую, или постнеклассическую направленность, которая выражается, помимо всего прочего, в отказе от возможности монополизации истины, уходят своими идейными корнями в далекое прошлое, в античный скептицизм, а также, возможно, – в релятивизм греческих софистов, которые, так же, как и скептики, по сути впервые задались вопросом о том, так ли все «на самом деле», как кажется, как принято считать, как говорит традиция и утверждают авторитеты; не исключено ли, что все может быть и совсем иначе, вплоть до полной противоположности тому, что кажется таким привычным, простым, очевидным и именно поэтому – «правильным». В данном случае на «авансцену» духовной культуры человечества выходит провозглашенный античными скептиками принцип изостении, т.е. равносилія противоположных суждений, с методологическим потенциалом которого, по всей видимости, связаны многие современные реалии, среди которых, мультикультурализм, политкорректность, толерантность, многополярность, демонополизация истины и кризис идентичности, которые, согласно одним утверждениям и оценкам, ведут к потере человеком самого себя и означают «конец истории», а с другой точки зрения, наоборот, знаменуют принципиально новую эпоху, в которой человек окажется свободным от многовекового «гнета истины» и наконец сможет вернуться к самому себе.

Список использованных источников

1. Коробкова Ю.Е. Идея «богочеловечества» в русской религиозной антропологии первой четверти XX века // *Философская мысль*. 2015. № 4. С. 55-78.
2. Гусев Д.А. Античный скептицизм в перспективе эволюции философии науки и становления морали современного общества // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. 2011. № 5. С. 83-97.
3. Егоров В.И. «Схоластика» и «антисхоластика» в системе образовательных взаимодействий // *APRIORI*. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://apriori-journal.ru/seria1/3-2015/Egorov1.pdf>
4. Гусев Д.А. Античный скептицизм как ранняя форма рефлексии теоретического знания // *Преподаватель. XXI век*. 2010. № 2. Т. 2. С. 204-211.
5. Флеров О.В. Лингвистическая подготовка как составляющая часть образовательного процесса современной высшей школы // *Перспективы науки*. 2015. № 1(64). С. 39-42.
6. Гусев Д.А. Основные принципы эффективного построения системы дистанционного обучения // *Наука и школа*. 2014. № 5. С. 106-112.
7. Флеров О.В. Основные принципы самостоятельной работы студентов в ходе их лингвистической подготовки // *Современная педагогика*. 2015. № 3(28). С. 13-18.
8. Гусев Д.А. К вопросу о содержании учебного курса философии в средней и высшей школе // *Наука и школа*. 2002. № 4. С. 2-7.
9. Волкова Е.Г. Основные проблемы преподавания философии в вузе // *Современное образование*. 2015. № 2. С. 80-115.
10. Гусев Д.А. Логическая культура в преподавательской деятельности // *Преподаватель XXI век*. 2005. № 1. С. 15-21.
11. Гатиатуллина Э.Р. Горек ли корень учения? Или к вопросу о личности педагога в образовательном процессе // *Современное образование*. 2015. № 2. С. 20-44.
12. Гусев Д.А. Мировоззренческая ориентация преподавателя социально-гуманитарных дисциплин в образовательном процессе // *Образовательные ресурсы и технологии*. 2014. № 4 (7). С. 62-69.
13. Гатиатуллина Э.Р. «Доктор занимательных наук», или о книгах Я.И. Перельмана в контексте проблематики современного образования // *Педагогика и просвещение*. 2015. № 1. С. 88-94.
14. Гусев Д.А. Docendo discimus – уча, мы учимся сами. Сборник статей. М., 2013.
15. Флеров О.В. К вопросу о «безусловности» социального прогресса // *Общество и экономика в зеркале современной науки. Сб. науч. тр. по матер. науч.-практ. конф.* М.: ООО «ЭКЦ Интеллект». 2015. С. 136-140.

16. Гусев Д.А. К вопросу о риторической культуре преподавателя высшей школы // Современное образование. 2015. № 2. С. 141-176.
17. Пустовойтов Ю.Л. К вопросу о кумулятивизме и антикумулятивизме как альтернативных моделях развития // Развитие науки и образования в современном мире. Сб. науч. тр. по матер. междунар. науч.-практ. конф.: в 6 ч. ООО «АР-Консалт». 2015. С. 98-103.
18. Гусев Д.А. Роль и значение скептицизма в преподавании философии // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 168-173.
19. Флеров О.В. Современная зарубежная популярная музыка как средство обучения английскому языку студентов нелингвистического профиля // Наука и бизнес: пути развития. 2015. № 1 (43). С. 11-13.
20. Гусев Д.А. Скептицизм как «правильная» философия, или три ступени дискурсивного реализма // Дискуссия. 2014. № 10 (51). С. 18-22.
21. Флеров О.В. Эскимосские языки в контексте социально-экономической и геополитической проблематики // Филология: научные исследования. 2015. № 1. С. 12-18.
22. Гусев Д.А. Скептицизм как высшая форма дискурсивного реализма // Философская мысль. 2014. № 9. С. 21-68.
23. Коробкова Ю.Е. Понятие «личности» в антропологических концепциях В. Лосского и В. Зеньковского // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://apriori-journal.ru/seria1/3-2015/Korobkova.pdf>
24. Гусев Д.А. Удивительная логика. М., 2013.
25. Алексеев И.В., Рибокене Е.В. Информационное обеспечение системы управления франчайзинговыми предприятиями // Экономические и гуманитарные науки. 2015. № 1 (276). С. 105-110.
26. Гусев Д.А. Удивительная философия. М., 2014.
27. Суслов А.В. Скептицизм как «правильное» мировоззрение преподавателя социально-гуманитарных дисциплин // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://apriori-journal.ru/seria1/3-2015/Suslov.pdf>
28. Гусев Д.А. Философские и исторические предпосылки античного скептицизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2008. № 2. С. 54-62.
29. Волкова Е.Г. К вопросу о лингвистических аспектах межкультурной коммуникации // Человек и культура. 2015. № 1. С. 42-71.
30. Пчелина О.В. Грядущий Кто? // Философская мысль. 2015. № 4. С. 226-247.
31. Гусев Д.А. Эволюция античного скептицизма от Пиррона до Секста Эмпирика // Гуманитарные исследования. 1999. № 3. С. 40-44.
32. Коробкова Ю.Е. «Эсхатологический» характер русской религиозной философии истории первой четверти XX века // Философская мысль. 2015. № 5. С. 149-169.
33. Гусев Д.А. Экзамен – всегда «праздник»? // Высшее образование в России. 2003. № 2. С. 84-86.

34. Флеров О.В. К вопросу о «правильном» мировоззрении, или три ступени реализма // Перспективные направления в развитии науки, бизнеса, образования: сб. науч. тр. по матер. науч.-практ. конф. М., 2015. С. 95-101.
35. Гусев Д.А., Гатиатуллина Э.Р. Логика и теория научной аргументации. Учебное пособие. М., 2014.
36. Волкова Е.Г. Феномены архаической культуры в концепции В.Я. Проппа (философско-культурологический анализ) // Философская мысль. 2015. № 5. С. 170-187.
37. Флеров О.В. Повышение эффективности обучения студентов иностранному языку на основе коммуникативной методики. Автореф. ... канд. пед. наук. М., 2013.
38. Гусев Д.А., Рябов П. В., Манекин Р. В. История философии. М., 2004.
39. Коробкова Ю.Е. Философия: конспект лекций. М.: МИЭМП, 2005.
40. Потатуров В.А. Культура и цивилизация: диалектика взаимоотношений (методологические аспекты) // Образовательные ресурсы и технологии. 2014. № 3 (6). С. 52-62.
41. Алексеев И.В., Рибокене Е.В. Основы функционирования и роль в экономике России международных франчайзинговых сетей // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2014. № 4 (10). С. 82-85.
42. Флеров О.В. Грамматический материал при раннем обучении английскому языку // Litera. 2014. № 4. С. 98-118.
43. Потатуров В.А. Новой России – новое гуманитарное образование // Образовательные ресурсы и технологии. 2014. № 5 (8). С. 167-175.
44. Пустовойтов Ю.Л. Формирование культуры речи школьников в эпоху телекоммуникационных технологий // Педагогика и просвещение. 2015. № 1. С. 19-27.
45. Флеров О.В., Алешинская Е. В., Пустовойтов Ю.Л. Эскимосские языки и их статус в современных условиях // Современные проблемы использования потенциала морских акваторий и прибрежных зон. Матер. XI междунар. науч. конф. 2015. С. 516-523.
46. Рыбакова Н.А. Моделирование художественно-творческого процесса // Искусство и образование. 2004. № 5. С. 24.
47. Гусев Д.А. Либерализм, православие и национальная идея в условиях переходного периода и кризиса современного российского общества // Философская мысль. 2015. № 2. С. 25-62.
48. Рыбакова Н.А. Развитие эмоционального интеллекта средствами музыки // Психология и психотехника. 2015. № 2. С. 150-158.
49. Борисова Л.Н. Практикум как способ культивирования рефлексивного поведения в подготовке педагога // Перспективы развития науки и образования. Сб. науч. тр. по матер. Междунар. науч.-практ. конф.: в 13 ч. 2015. С. 21-24.

50. Флеров О.В. Влияние особенностей английского и испанского языков на процесс их изучения // Современное образование. 2015. № 3. С. 53-70.
51. Борисова Л.Н. Рефлексивная культура педагога как условие успешной инновационной деятельности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4-2. С. 77-81.
52. Рыбакова Н.А. К вопросу об оптимизации коммуникативной языковой подготовки учащихся высшей школы // Альманах современной науки и образования. 2015. № 6 (96). С. 135-139.
53. Борисова Л.Н. Роль и механизм рефлексии в психолого-педагогической деятельности // Психолог. 2015. № 2. С. 118-145.
54. Руденко Ю.С. Качество обучения в негосударственных вузах и функции вузовских управленцев // Инновации в образовании. 2004. № 1. С. 19-26.
55. Рыбакова Н.А. Проблемы содержания подготовки студентов по профилю «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур» в условиях бакалавриата // Педагогика и просвещение. 2015. № 1. С. 28-35.
56. Руденко Ю.С. О проблемах реализации компетентного подхода в высшей школе // Образовательные ресурсы и технологии. 2012. № 1(1). С. 4-8.
57. Рыбакова Н.А. Основные принципы подготовки студентов неязыкового профиля к профессиональной межкультурной коммуникации // Филология: научные исследования. 2015. № 1. С. 46-53.
58. Рыбакова Н.А. К вопросу об оптимизации коммуникативной языковой подготовки учащихся высшей школы // Альманах современной науки и образования. 2015. № 6 (96). С. 135-139.
59. Гатиатуллина Э.Р. Скептическая ориентация педагога как мировоззренческий нейтралитет в преподавании дисциплин социально-гуманитарного цикла // Современное образование. 2015. № 3. С. 109-125.
60. Рыбакова Н.А. Сущность самоактуализации педагога с позиций гуманистического подхода // Человек и культура. 2015. № 2. С. 42-51.
61. Флеров О.В. Дидактические особенности и трудности коммуникативного обучения грамматике на занятиях по иностранному языку // Высшее образование сегодня. 2014. № 11. С. 86-88.
62. Чернова О.Н. Педагогическая деятельность в контексте международной системы оценки качества образования // Человек и культура. 2015. № 2. С. 1-20.
63. Гусев Д.А. Скептицизм как философский реализм // Философия и культура. 2015. № 1. С. 20-28.